581

«Ленинская смена»
г. Горький
31 МАЯ 1978

Три вопроса Святославу Рихтеру

В КОНЦЕРТНОМ ЗАЛЕ

ЕСЛИ человек говорит вам: «Я вчера слушал Рихтера», знайте — это то же самое, если бы он сказал: «Я был вчера счастлив...»

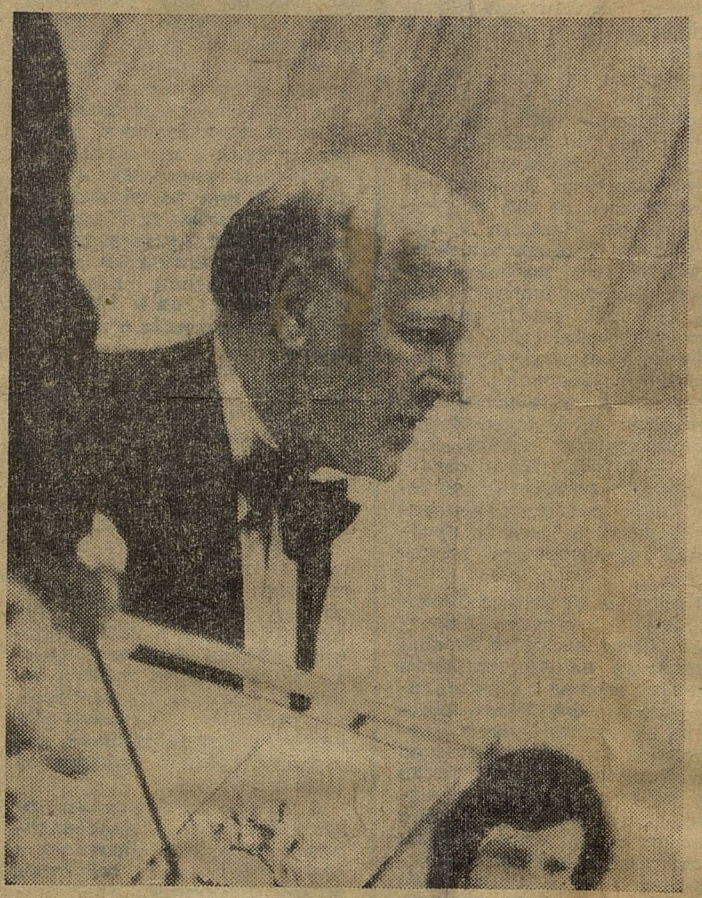
Сколько таких счастливцев оказалось в нашем городе в минувшие субботу и воскресенье? Дважды столько, сколько вмещает Кремлевский концертный зал, и плюс еще немножко те, кто стоял в проходе, у стен.

Рихтер не приезжал в Горький шестнадцать лет. Шестнадцать лет накапливалась «безответная любовь» наших музыкантов и просто людей, преданных музыке, к величайшему пианисту современности. За эти годы мы услышали многих выдающихся исполнителей, не раз играл в Горьком Эмиль Гилельс, однажды довелось нам услышать Вана Клиберна, и это было потрясающе. Но Рихтер!.. Приходилось довольствоваться записями, телевидением, радио. Однако каждый человек, хоть раз в жизни испытавший магическое воздействие живого общения с музыкантом высочайшего класса, проживший три часа в атмосфере ни с чем не сравнимого духовного «накала», возникающей в концертном зале во время такого события, — каждый скажет, что ни пластинки, ни передачи не могут заменить этой магии. Здесь нет никакой мистики, нет никакого «рекламного гипноза» — есть обыкновенное чудо, такое же редкое и ценное в нашей жизни, как редко встречается в природе чистейший благородный металл.

Святослав Рихтер уникален. Возьмите любую статью, рецензию, книгу о нем, и вы увидите слова: «феномен Рихтера». Что это значит? Все попытки определить это превращаются в более или менее точное и подробное перечисление слагаемых. Фантастическая виртуозность, необозримый репертуар, особенный стиль интерпретации. Мощная власть артистического обаяния, глубочайшая культура, бесспорность чисто интеллектуальных решений и убежденность чувства. И так далее. Но — всего лишь слагаемые. А целостность, та поразительная неповторимость личности, музыкантской и человеческой, остается неопределенной. Это уравнение решения не имеет. Мы можем только уповать на счастливый случай, который позволит нам — хоть раз в жизни! — попасть на концерт Рихтера, и тогда нам, как на ладони, станет ясно: бессмысленно и бесплодно искать словесный эквивалент «феномена Рихтера»...

НУ ВОТ, судьба была благосклонна, билеты добыты, и мы после всех волнений и сомнений занимаем свои места. Кто-то рядом говорит: «Все равно не поверю, пока концерт не кончится!..» А концерт только начинается. В программе — музыка Баха.

Рихтер играет с камерным оркестром Московской консерватории, и это удивительно! Ансамбль, почти полностью состоящий из совсем молодых музыкантов. Как они себя чувствуют, выступая с «самим Рихтером»? Очень быстро убеждаюсь, что никакого риска здесь нет, нет и никакого «перепада уровней». Превосходное единство, столь необходимое в исполнении концертов Баха, достигнуто еще «за пределами» выступления (возможно, большая заслуга принадлежит здесь и дирижеру Ю. Николаевскому). Да и в оркестре, — большая неожиданность! — узнаем прекрасную виолончелистку Наталию Гутман, и Олег Каган, только что с блеском солировавший в скрипичном концерте ля-минор, встает за оркестровый пульт, участвуя в исполнении клавирного ре-минорного концерта. Воистину «нет маленьких ролей в театре...»



Как описать звучание рояля у Рихтера? «Бескрасочное», на одном нюансе, создающее напряжение огромной внутренней силы только за счет тугой ритмической «пружины», нагнетающее сумрачную энергию в быстрых частях... Вдруг — совершенно новый, завораживающий, почти флейтовый тембр, матовый, гаснущий в воздухе, как след дыхания на стекле, исчезающий на глазах... Бесконечно протяженная, гибкая линия, рисующая в медленных частях «видимые» очертания — темные лики, поникшие, безмолвные фигуры живописи Изенгеймского алтаря. Вольная ассоциация? Не совсем. Один из биографов И. С. Баха обронил предположение, что композитор мог видеть это удивительное создание Матиаса Грюневальда, художника времен Реформации. Всего лишь предположение, но оно почему-то зацепилось в памяти и выплыло оттуда под впечатлением этих образов, вырисованных рукою гениального пианиста.

Музыка захватывает полностью, без остатка. Но в какой-то момент замечаю, что в голову закрадывается непрошеной гостьей некая журналистская «корысть». Вот если бы удалось поговорить! Спросить... о чем? О, хочется спросить о многом. О живописи, ведь Святослав Теофилович и сам одаренный художник, и коллекционер, и недавно в Москве работы из его коллекции были выставлены, да еще с необыкновенно интересными, тонкими комментариями Рихтера к каждому полотну. О том, нет ли у него литературных сочинений (известно, что музыку Рихтер писал и исполнял ее), это было бы естественно — человек такой степени одаренности должен быть одарен во всем, это мое глубокое убеждение. Почему-то больше всего хочется поговорить с ним о пушкинском «Моцарте и Сальери». Почему? Может быть, потому, что формула совершенства из «маленькой трагедии» («Какая глубина, какая смелость и какая стройность!») так ясно, просто и точно определяет искусство самого Рихтера...

Хочется спросить о многом. Но непреодолимая трудность в том, что Рихтер не дает интервью. Это правило, которое он нарушает крайне редко. И однако тем драгоценнее каждое сказанное им слово!

Помогает Берта Соломоновна Маранц, она хорошо знакома с Рихтером (оба — ученики Генриха Густавовича Нейгауза). По ее «протекции» проникаю после концерта за кулисы, выслушав предупреждение о том, что подробно поговорить не удастся и что «вообще он всего этого не любит».

Волнуюсь, конечно, ужасно. Ну, так и есть, он говорит: «Неужели вы будете меня о чем-то спрашивать?» Но улыбается очень добро, мягко. Я «торгуюсь»: ну, хотя бы... два вопроса можно? Рихтер смеется: «Ладно, тогда уж три». Три вопроса, как в сказках! Как в «Принцессе Турандот». И тут я в полном замешательстве понимаю, что не готова к таким жестким условиям, что необходим строжайший выбор, ведь всего три вопроса! Мгновения бегут, и я чувствую себя, как какой-нибудь совершенно сказочный герой, у которого всего три возможности, и потратить их зря — это же просто смертельно. А внутри продолжает звучать дивная медленная часть ре-минорного концерта, та самая, которая почему-то напомнила о Грюневальде. И я, как головой в омут, неожиданно для себя самой трачу первую возможность.

— Как вы думаете, мог Бах видеть роспись Изенгеймского алтаря?

Рихтер отвечает, не задумываясь:

— Конечно, видел, я в этом уверен. А вот я не видел, хотя и очень мечтал посмотреть...

— А как вы относитесь к опытам сюжетного истолкования инструментальной музыки Баха? Ну, хотя бы к тому, как это делает Альберт Швейцер?

— Хорошо отношусь. Вполне спокойно. Охотно верю, что все попытки трактовать Баха, «подложив» под его инструментальные сочинения какой-нибудь сюжет из Евангелия, могут быть оправданы. Но... мне эти «расшифровки» совершенно не нужны. Они мне не помогают. Образные ассоциации у меня, впрочем, сопровождают любую музыку. Но это явление очень личное, индивидуальное, только мое, я никогда не стремился вызвать у слушателя, когда я играю, какие-то определенные зрительные представления... Мне кажется, это ни к чему. Музыка Баха, например, содержит в себе множество чисто музыкальных параллелей-предвосхищений: в ней — и Мендельсон, и Прокофьев, и Дебюсси... А привносить в нее всякую «литературу» совершенно не обязательно.

— И вообще никакая «литература по поводу музыки» не обязательна? Была ли вам когда-нибудь интересна или полезна хотя бы одна книга о музыке, не важно, строго научная или беллетристическая — как, например, описанная Томасом Манном музыка, которая никогда не существовала? «Доктор Фаустус»..

— Да, Томас Манн мне очень интересен, Ромен Роллан, пожалуй, в меньшей степени. А если говорить о специальной литературе о музыке, то в этой области у меня есть просто очень любимая книга. Асафьев, «Симфонические этюды», книга о русской опере... Замечательно!

Мой «запас возможностей» исчерпан. К тому же в дверь — хотя и тщетно! — рвутся любители автографов, протягивая книги, программки, пластинки... У меня есть с собой фотография Рихтера, и я тоже прошу автограф. Унося написанные его рукою слова «на добрую память», выхожу в Кремлевский садик, в сырую, благоухающую после дождя летнюю ночь. И знаю, что память осталась не только «добрая», но и благодарная, и восхищенная волшебным мастерством великого артиста.

Л. КРЫЛОВА.

НА СНИМКЕ: играет народный артист СССР, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда Святослав Рихтер.

Фото Ю. ИВАНОВА.

326,78
Рихтер Святослав